

ПЕННЕР Даниэль Эдуардович

Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк

ЛЮБОВЬ КАК ЧУВСТВЕННОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ
В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ЦИКЛЕ ДЖ. СЭЛИНДЖЕРА О СЕМЕЙСТВЕ ГЛАСС

(Представлено: З. И. Третьяк)

Аннотация. В статье рассматривается повествовательный цикл о семействе Гласс американского писателя Дж.Д. Сэлинджера (1919–2010), включающий три рассказа из сборника «Девять рассказов» (1953), а именно «Хорошо ловится рыбка-бананка», «Лапа-растяпа» и «В ялике», повести «Фрэнни» (1955), «Выше стропила, плотники» (1955), «Зуи» (1957), «Симор: Введение» (1959) и «16 Хэпворта 1924 года» (1965), а также стихи Симора – «Глассические стопки». Анализируется одна из ключевых тематических доминант в творчестве Дж. Сэлинджера – любовь. Несмотря на то, что любовь в творчестве писателя характеризуется множеством проявлений, в данной статье рассматривается любовь как чувственное наслаждение, представленное в рассказе «Хорошо ловится рыбка-бананка».

Ключевые слова: повествовательный цикл, литература США, Дж. Д. Сэлинджер, любовь, дзен-буддизм, экзистенциализм.

Abstract. This article examines the narrative cycle (saga) about the Glass family by American writer J.D. Salinger (1919–2010), which includes three stories from the collection *Nine Stories*: “A Perfect Day for Bananafish”, “Uncle Wiggily in Connecticut”, and “Down at the Dinghy”, as well as the novellas “Franny”, “Raise High the Roof Beam, Carpenters”, “Zooey”, “Seymour: An Introduction”, and “Hapworth 16, 1924”, along with Seymour’s poems titled “Shotki”. The analysis focuses on one of the key thematic dominants in Salinger’s work: love. While love is characterized by various manifestations in the writer’s creativity, this article specifically explores love as sensual pleasure, as depicted in “A Perfect Day for Bananafish”.

Keywords: narrative cycle, American literature, J.D. Salinger, love, Zen Buddhism, existentialism.

В произведениях Дж. Сэлинджера, особенно в повествовательном цикле о семье Гласс, ключевой тематической доминантой является любовь. Любовь как инвариантная тема в творчестве писателя имеет различные проявления: страстная

любовь (вожделение) или чувственное наслаждение («Хорошо ловится рыбка-бананка», «Хэпворт 16, 24»), ненависть или гневность («Лапа-растяпа», «Фрэнни»), любовь к ближнему и к Богу (карикас) («Зуи», «Хэпворт 16, 24») и сострадание («Зуи»). Бинарная оппозиция «любовь – ненависть» относится к вечным темам. Согласно Фоме Аквинскому, любовь (вожделение) и ненависть (гневность) относятся к чувственности, а последнее «есть вид желающей способности (*potentia appetitiva*) чувственной души: «поскольку вожделение соотносится с подходящим, а гневность – с вредным, то, как представляется, гневность и вожделение являются одной и той же способностью души» [1, с. 217].

Согласно Э. Хутовой, любовь и ненависть одинаково центробежны; в мыслях они движутся к объекту; они текучи и непрерывны. В любви мы как бы сливаемся с объектом. И наоборот, ненависть, несмотря на свою неизменную направленность к предмету ненависти, отдаляет нас от объекта [2]. Дзэн-буддист воспринимает такого рода противоположности, как поле фиктивных идей, акцентируя внимание на том, как «наш разум скован идеями противопоставления, являющимися результатом отбора и выбора, таким как любовь и ненависть, добро и зло, правильное и неправильное, истина и заблуждение, красота и уродство, он не способен постичь самого «Пути»» [3, с. 221].

Для более точного определения категорий любви мы будем апеллировать к таким древнегреческим концепциям любви, как: **эрос** – телесная и духовная страсть; **филия** – бескорыстная любовь к ближнему; **агапе** – духовная любовь, полная жертвенности; **сторге** – семейная любовь; **людус** – любовь-спорт, игра; **прагма** – расчетливая любовь; **мания** – любовь-одержимость.

Персонажи Дж. Сэлинджера – искатели любви, сталкивающиеся с экзистенциальными вызовами и внутренними конфликтами. Критик-экзистенциалист Д. Гэллоуэй в работе «Абсурдный герой в американской прозе» утверждает, что писатель создает образ абсурдного героя, который, подобно святым и трагическим личностям, является символом искателя любви [4, р. 209]. Понятие «искатель любви» в духовном аспекте очень близко к значению «бхакти-йога». Бхакти-йога по Вивекананде Свами – это «реальный, подлинный поиск Бога, поиск, начинающийся, проходящий и завершающийся в Любви» [5, с. 430]. Похожая нравственная проповедь о любви проходит сквозь весь повествовательный цикл семьи Гласс и достигает своей кульминации в книге «Фрэнни и Зуи».

В санскритской поэтике есть 9 главных чувств или настроений (раса): 1) любовь или чувственное наслаждение; 2) смех или ирония; 3) сострадание; 4) гнев; 5) мужество; 6) страх; 7) отвращение; 8) откровение; 9) отречение от мира. И. Галинская считает, что «Девяти рассказам» Дж. Сэлинджера соответствует девять настроений и все они были написаны, сообразуясь с данной логикой [6].

Согласно И. Галинской в первом рассказе Дж. Сэлинджера «Хорошо ловится рыбка-бананка» главной темой выступает любовь или чувственное наслаждение.

О любви, плотском влечении, т.е. о чувстве, которое является в рассказе доминирующим, прямо не говорится. Настойчивое повторение эпитета «синий» в произведениях автора (синее пальтишко Мюриэль, ярко-синие плавки Симора, желтый купальник Сибиллы, который кажется Симору синим), по мнению И. Галинской, должно вызывать у читателя, знакомого с древнеиндийской символикой, ассоциации с синим лотосом, атрибутом бога любви Камы. Этот образ, а также бледность Симора Гласса, подчеркивает одержимость любовью и её трагические последствия. Так, одержимость любовью перекликается с древнеиндийскими концепциями, и часто ведет к страданию и даже смерти [6, с. 37–38].

Как отмечает И. Галинская, входящее в название слово «банан», обыгранное писателем в центральном эпизоде новеллы, в индийской народной этимологии постоянно связывается с любовью [6, с. 36]. Символика банана в рассказе, наряду с притчей о рыбке-бананке, также подчеркивает хрупкость человеческой жизни и жажду удовольствий. В традиционной символике Индии банан – знак непрочности, слабости. Банановое же дерево, ствол которого весьма непрочен – излюбленная метафора древнеиндийской литературы [6, с. 38]. «В мире нет костяка, он подобен поросли банана», – сказано в одной из книг «Махабхараты» [7, с. 377]. Жажда жизни, согласно индийской философии, оказывается основной причиной страданий, и самоубийство Симора становится своеобразным способом спасения. В контексте джайнизма, самоубийство воспринимается как легитимный акт, способствующий освобождению от страстей [6, с. 40–41].

Образ рыбки-бананки ассоциируется с образом человека со всеми своими слабостями, который обитает в жизненном море, океане страстей, самым опасным из которых является любовь, и Симор Гласс, очевидно, становится метафорой рыбки-бананки, заплывшей в пещеру и объевшейся бананов: «Понимаешь, они заплывают в пещеру, а там – куча бананов. <...> Одна такая рыбка заплыла в банановую пещеру и съела там семьдесят восемь бананов. <...> И конечно, они от этого так раздуваются, что им никак не выплыть из пещеры. В двери не пролезают. <...> – А после что? <...> – Умирают они. <...> Заболевают банановой лихорадкой. Страшная болезнь»¹ [8, с. 706].

Повышенное либидо проявляется у Симора еще в детстве. В повести «Хэпворт 16, 24» у 10-летнего Симора появляются первые признаки «банановой лихорадки» (*Banana fever*), которую он, без сомнений, унаследовал от отца: «...хорошо бы все-таки, дорогой Лес, ты признал, что чувственность мы с Бадди унаследовали от тебя вместе с предательской Венериной кромкой по краю твоей полной и чувственной нижней губы – как, впрочем, и наш несравненный младший брат Уолтер

¹ «Well, they swim into a hole where there's a lot of bananas. <...> I've known some bananafish to swim into a banana hole and eat as many as seventy-eight bananas. <...> Naturally, after that they're so fat they can't get out of the hole again. Can't fit through the door. <...> «What happens to them?» <...> «They die. <...> Well, they get banana fever. It's a terrible disease» [3, p. 8].

Ф. Гласс, в то время как юные Беатриса и Уэйкер Гласс, в высшей степени достойные личности, этой кромки не унаследовали»² [8, с. 412].

Так, чувственное наслаждение выражает все признаки банановой лихорадки: «При всей нашей крайней молодости, мы беспомощно пасуем перед великолепными бездарными красавицами. Я над этим работаю, но проблема крайне сложная»³ [8, с. 419].

Разумеется, помимо «банановой (любовной) лихорадки» есть и другие интерпретации, касающиеся самоубийства Симора. Например, А. Аствацатуров, ссылаясь на «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского, называет неумемный аппетит банановой рыбки – *«сладострастием духа»* Симора и выдвигает гипотезу о том, что Симор таким образом бежал от переполняющего его счастья [9].

Слова «счастье», «счастливый» часто встречаются на страницах произведений, посвященных семейству Гласс. Бу-бу Гласс, поздравляя Симора с женитьбой, выводит обмылком на зеркале: «Будь *счастлив, счастлив, счастлив* со своей красавицей Мюриель»⁴ [10, с. 76]. В своем дневнике Симор действительно признается, что счастлив быть с ней: «О господи, до чего же я *счастлив* с ней. Только бы она была так же *счастлива* со мной»⁵ [10, с. 82–83], но одновременно сетует: «...люди вступают в сговор, чтобы сделать меня *счастливым*»⁶ [10, с. 88]. Развивая идею А. Аствацатурова, можно заключить, что Симор оказался пленником собственных иллюзий, ведь его представление о счастье имеет глубоко парадоксальный характер. Вера в счастливую жизнь с Мюриель Феддер перерастает в сладострастие духа, в неутоленную жажду рыбки-бананки. Эта жажда суть экзистенциальная метафора, утолить которую способна лишь смерть героя. Симор оказывается в точке, где желание трансцендентного неразрывно связано с трагической невозможностью его осуществления.

В стихотворении Симора Гласса «Смерть» перед нами ясно предстает образ мучившей его жажды: *«К сердцу прислушивался, закрыв глаза / ожидая последнего раза / Мучила жажда. В одно из утр / августа, в пять пятьдесят пять, / провалившись в колодец себя, он умер. / И ему расхотелось пить»* [13, с. 13]. Это стихотворение дополняет слова Солона, адресованные царю Крезу, что никого нельзя назвать счастливым прежде его смерти.

Аналогией этой жажды является и кьеркегорианское *«жало во плоти»*. Сам же датский философ позаимствовал это словосочетание из 2-го послания

² «...it would be a great boon, dear Les, if you would recognize that we share your heritage of sensuality, including the telltale ridge of carnality just below your own heavy, sensual, bottom lip, as does our own marvellous, youthful brother, the splendid Walter F. Glass, young Beatrice and Waker Glass, those sterling personages, being comparatively free of the telltale ridge in question» [11, p. 9].

³ «For all our extreme youth, we remain quite vulnerable, amusing foils where gorgeous, untalented girls are concerned. I am working on it, but it is a fairly severe problem» [12, p. 14]

⁴ «Please be happy happy happy with your beautiful Muriel» [12, p. 76].

⁵ «Oh, God, I'm so happy with her. If only she could be happier with me» [12, p. 83].

⁶ «I suspect people of plotting to make me happy» [12, p. 88].

к Коринфянам ап. Павла (12:7): «Чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился». Неуемная жажда, наличествующая в «сладострастии духа» или в «жале во плоти», может стать как слабостью, так и сильной стороной. Так, С. Кьеркегор писал в одном из своих дневников: «Что касается меня, то с юных лет мне было ниспослано *жало в плоть*. Не будь этого, я бы уже давно жил обыкновенной жизнью» [14, с. 119].

Интересным представляется и мнение В. Виганда, который предполагает, что «банановая лихорадка» – диагноз, заключающий всю суть внутренних проблем, хоть и можно назвать вынужденным, но он, по всей видимости, ближе к истине, чем многие другие концепции, выдвинутые литературоведами. По его словам, «у этой болезни два симптома: своего рода **неспособность совладать со своими эмоциями** и **хроническая гиперчувствительность** или **чувство утраты**»⁷ (Перевод наш. – Д.П.).

Можно вспомнить, что в буддизме существует понятие – дуккха⁸. Это слово переводится приблизительно как «страдание» и им обозначается «великая болезнь мира, та болезнь, от которой единственным лекарством является метод Будды – *дхарма*» [16, с. 72].

В борьбе со своими страстями С. Кьеркегор предлагает иное лекарство, чаением которого пропитано все его труды и поиски. И этой панацеей становится **«прыжок веры»**. По С. Кьеркегору, прыжок веры это не просто отчаяние, движимое человеком, а глубоко личный акт веры, прыжок в неизвестность [17].

В заключение следует отметить, что в повествовательном цикле о семье Гласс Дж. Сэлинджера выводит любовь как чувственное наслаждение за пределы психологического или романтического дискурса, превращая её в универсальную экзистенциальную категорию. Образ «банановой лихорадки» в «Хорошо ловится рыбка-бананка» выступает метафорой отчаянной жажды слияния с объектом желания, оборачивающейся невозможностью возвращения к прежнему состоянию бытия. Такая концепция коррелирует с кьеркегорианским «жалом во плоти» и индуистско-буддийским пониманием страсти и страдания, что позволяет воспринять мировосприятие Дж. Сэлинджера как перекрёсток культурных и философских традиций. Смерть Симора Гласса в финале рассказа предстает не столько как спонтанный акт героя, сколько как экзистенциальный выход из «пещеры» бесконечного желания, позволяющий взглянуть на свободу и счастье сквозь призму невозможного желания. В таком прочтении любовь – чувственное наслаждение

⁷ «...the disease has two symptoms: a kind of incapacity to purge one's emotions, and a chronic hypersensitivity or sense of loss» [15, p. 115].

⁸ Дуккха (санскр. दुःखं, пали दुक्खं – трудное, неприятное, боль, страдание, тяготы, невзгоды и т. п.), одна из важнейших религиозно-философских категорий, особенно буддизма, объединяющая все неблагоприятные аспекты человеческого существования, от чисто физических и психологических страданий до глубинной неудовлетворённости бытием в этом мире.

становится не просто темой рассказа, но ключом к пониманию мироощущения Симора: поиском той «трансцендентной точки», где чувственное желание и духовный порыв находят равновесие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фома Аквинский. Сумма теологий: в 2 т. / Под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова. – М. : Издатель Савин С. А., 2007. – Т. 2. – 652 с.
2. Хутова, Э.Р. Концепты любовь и ненависть в русском и английском языках / Э.Р. Хутова // Вестник Адыг. гос. ун-та. Серия 2. Филология и искусствоведение. – Тарту : 2008. – № 1 – С. 151–155.
3. Salinger, J. D. Nine stories / J. D. Salinger. – N. Y. : 2020. – 82 p.
4. Galloway, D. The Absurd Hero in American Fiction. Updike. Styron. Bellow. Salinger. Austin / D. Galloway. – Austin : University of Texas Press, 1966. – 265 p.
5. Вивекананда, С. Четыре йоги: пер. с англ. / С. Вивекананда // Сост. О.В. Мезенцева; под ред. и предисл. В.С. Костюченко. – М. : Прогресс, Прогресс-Академия, 1993. – 528 с.
6. Галинская, И.Л. Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера / И.Л. Галинская. – М. : Наука, 1975. – 114 с.
7. Махабхарата: в 18 т. / пер. с санскр. В.И. Кальянов, Я.В. Васильков, С.Л. Невелева [и др.]. АН СССР, АН ТССР, Наука, Ладомир, 1950–1992. – Т. 3: Санасуджатапарван. – 758 с.
8. Сэлинджер, Дж.Д. Над пропастью во ржи: Роман; Повести; Рассказы / Дж.Д. Сэлинджер. – М. : АСТ; Харьков: Фолио, 1999. – 880 с.
9. Аствацатуров, А. Улыбка чеширского кота : О рассказах Джерома Дэвида Сэлинджера / А. Аствацатуров // И не только Сэлинджер : десять опытов прочтения английской и американской литературы. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 15–378.
10. Сэлинджер, Дж.Д. Выше стропила плотники. Симор – введение / Дж.Д. Сэлинджер. – М. : Эксмо, 2024. – 256 с.
11. Salinger, J.D. Napworth 16, 1924 / J.D. Salinger. – The New Yorker, June 19, 1965. – 52 p.
12. Salinger, J. D. Raise high the roof beam and Seymour. An Introduction / J. D. Salinger. – Boston : Little, brown and company. – 1959. – 250 p.
13. Сэлинджер, Дж. Д. Глассические стопки / Дж. Д. Сэлинджер. – N.Y. : Ailuros Publishing, 2013. – 118 с.
14. Kierkegaard, S. The diary of Søren Kierkegaard (1833–1855) / S. Kierkegaard : ed. P. P. Rohde. – N. Y. : Citadel Press, 1993. – 256 p.
15. Wiegand, W. The Cures for Banana Fever / W. Wiegand // Salinger: A Critical and Personal Portrait / ed.: H.A. Grunwald, A. Henry. – N.Y. : Harper, 1962. – P. 115–136.
16. Уотс, А. Путь дзэн: истоки, принципы, практика / А. Уотс. – М. : София, 2015. – 288 с.
17. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М. : Культурная революция, 2010. – 488 с.